
АЛЬБОМ-ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ
ЮЛИИ НИКОЛАЕВНЫ РЕЙТЛИНГЕР
ИЗ ТАШКЕНТА В МОСКВУ И ЛЕНИНГРАД В МАЕ 1959 г.

*Предисловие, подготовка текста и комментарии
Н.П. Белевцевой*

Стоит при входе в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына поднять голову чуть вверх, как становятся видны панно на религиозные сюжеты, размещенные между окнами второго этажа: Распятие, Крещение, Воскресение. Своей трехчастностью они напоминают алтари католических храмов, а нижними рядами святых — фрески византийских церквей. Краски необычайно интенсивны и густы, а манера письма импрессионистична. Это росписи, выполненные в 1932 г. для храма Св. Иоанна Воина в Медоне (предместье Парижа, где было много эмигрантов из России) Юлией Николаевной Рейтлингер (1898–1988), через три года ставшей инокиней Иоанной.

Росписи, сделанные на загрунтованной фанере, спас из разрушающейся в конце 1980-х гг. церкви Никита Алексеевич Струве, вместе с помощником отделивший их от стен. Затем фрагменты хранились в Монжеронском замке, где находился Центр помощи русским беженцам во Франции. Благодаря материальной помощи центра, а также Натальи Дмитриевны и Александра Исаевича Солженицыных удалось частично отреставрировать и закрепить росписи на щитах.

Как только появилась возможность, в 2003 г. Н.А. Струве доставил росписи в Россию, разместив их в тогда Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» (БФРЗ). Это заложило основу музейного фонда Ю.Н. Рейтлингер в БФРЗ.

Свое развитие фонд сестры Иоанны получил благодаря пражским документам, найденным в составе переданного посольством Франции в БФРЗ Архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей: это ее студенческие билеты философского факультета Карлова университета и Пражской академии художеств с фотографиями, а также свидетельства об успешной сдаче ею экзаменов в академии по анатомии и живописи за семестр 1924/25 учебного года.

Многочисленные документы и изобразительные материалы были подарены в 2005 г. многолетним другом Юлии Николаевны Л.Н. Теренецким. Это прежде всего «Дневник духовный» 1928–1935 гг.¹ В эти годы Юлия Николаевна становится подлинным иконописцем-новатором. А 11 сентября 1935 г. она принимает монашеский постриг. Вот строки из этого дневника, передающие момент испытания

¹ Оpubл.: *Рейтлингер Ю.Н. Дневник духовный (1928–1935) // Вестник РХД. 2007. № 192. С. 88–159; 2008. № 193. С. 13–41.*

веры и художнического предназначения: «23 Февр. <1932> Если бы у меня была твердая к<a>к камень вера, то я бы встала прямо перед Ним и вопила бы: Господи дай, Господи дай, Господи дай! Если нельзя так молиться о здоровье близких, о вещах житейских — то ведь о том, чтоб Ты присутствовал в Твоей иконе — ведь можно? В Твою Славу!»

На графических работах начала 1930-х гг. (размер блокнота), решенных в лилово-розовых и салатово-оливковых тонах, запечатлен о. Сергей Булгаков: «О. Сергей, отдыхающий в горах Франции», «Параклит», «О. Сергей в лесу под Парижем».

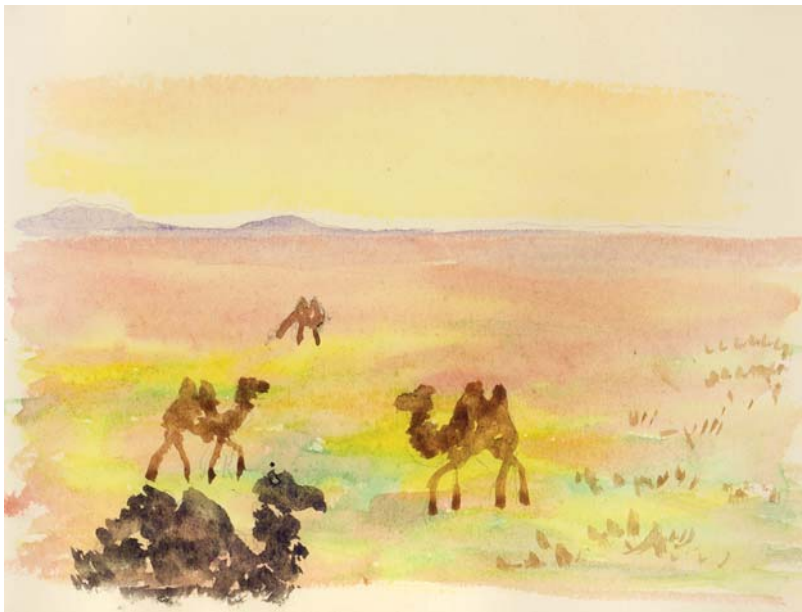
Эмиграция сестры Иоанны заканчивается в 1955 г., и начинается испытание Ташкентом. Сохранился альбом карандашных зарисовок видов этого города за 1962–1963 гг. Взгляд художника помогает в чужом — и климатически, и духовно — городе видеть прекрасное. Поразительны подписи, передающие ассоциативный смысл изображаемого: «Крест XX века» — там, где зарисованы крыши с телевизионной антенной; «Башня XX века» — там, где строится высотный дом и рядом с ним подъемный кран.

В мае 1959 г. сестра Иоанна первый раз совершила путешествие из Ташкента в Москву и Ленинград. Она вела дневник-альбом, записывая и зарисовывая впечатления. Он представляет собой обычный для того времени школьный альбом для рисования в картонной обложке (14,9 × 20,5 см). Собственно листов для рисования — 37, они заполнены автографами, фотографиями, открытками, акварелями. Шестого мая Юлия Николаевна садится в поезд. Зарисовки начала пути мастерски передают мелькание телеграфных столбов в окне вагона, лаконичны силуэты верблюдов, радостно-красочна композиция переезда из Азии в Европу.

Зачин альбома таков: «Здесь рассказывается о том, как некая старушонка, влюбленная в свою Родину, проживающая в населенном пункте Ташкенте, в 62ую весну своего существования на земле, отправилась путешествовать в родные края (родилась она в северной Пальмире)» (Л. 1).

Впечатления от железной дороги идилличны: «...прекрасные вагоны, чистота, красота, удобство. Койка, чистое постельное белье, одеяло, кипятки, чай, ресторан, еду еще разносят весь день. С ужасом вспоминаю путешествия из Парижа на южный берег Фр<анции>, или из Мезилаб<орце> в Прагу. Пожалуй в теперешнем возрасте оно было бы мне уже не под силу, когда не только нет мягкого матраца, подушки, постель<ого> белья и одеяла, но даже нельзя протянуть ноги, и всю ночь сидишь с отчаянными судорогами в ногах. 6/V 59».

В Москве Юлия Николаевна живет в семье своей единокровной сестры Нины Николаевны Светозаровой, много гуляет. Ее восхищает Кремль: «...Чехи прекрасно издали фотографии Праги, и действительно Прага вся в целом — *c'est bijou* [драгоценность, сокровище (*фр.*)], и этот альбом, ея фото передает ея богатство. Но самый чешский (вставка простым карандашом. — Н.Б.) “кремль”, т. е. “Храд” — далеко уступает богатству Московского кремля, и ошибаются те, кто его не видел, думая, что наш Московский кремль бедней. Куда “Храду” до него!!» (Л. 9 об.). На Красной Пресне она еще застаёт «много старых солидных очаровательных деревянных домов — на фоне высотных зданий» (Л. 10 об.).



Средняя Азия. Без подписи.
Акварель из альбома-дневника Ю.Н. Рейтлингер (Л. 3)



Здравствуй Россия! Оренбург. Ново-Сергиевка.
Акварель из альбома-дневника Ю.Н. Рейтлингер (Л. 7)

15 мая Юлия Николаевна уже в Ленинграде, когда-то родном Петербурге. Первая ее поездка — в Александро-Невскую лавру, на могилу старшей сестры Оли, умершей от скарлатины гимназисткой 14 лет: «...оказывается это совсем близко — а 40 лет тому назад это было целое путешествие на “паровичке”. <...>

...Иду на кладбище, открытое для посетителей, приблизительно в те места, где была могила старшей сестры. Чисто. Хорошо» (Л. 18 об.).

Приходит Юлия Николаевна и к дому, где семья Рейтлингер жила до революции. Это Фонтанка, д. 76 — район министерств и финансовых учреждений. Дом, в котором была квартира высокопоставленного служащего банковской системы Николая Александровича Рейтлингера (1862–1931), — это здание Управления государственными сберегательными кассами с жилыми флигелями (архитектор В.П. Цейдлер; 1910–1911 гг.). Именно к нему относится запись: «...Кажется там и тогда лучше рисовала!..» На акварели рамой родному дому служат углы домов Ссудной казны и Государственной сберегательной кассы (архитекторы А.А. Бертельс, Р.П. Голенищев, А.И. фон Гоген; 1898–1900). Все три здания в настоящее время являются охраняемыми памятниками истории и культуры, правда, исчезла чугунная ограда, а в бывшем управлении помещается налоговая инспекция (см. л. 26 об.).

Затем Юлия Николаевна навещает свою духовную сестру, знакомую по эмиграции Елену Ивановну Казимирчак-Полонскую. Еще в 1927 г. о. Сергей благословил Елену Ивановну на монашество в миру, а постриг она приняла уже в конце жизни, в 1987 г. В 1959 г. Елена Ивановна — доктор физико-математических наук, сотрудник Института теоретической астрономии АН СССР. Фотография, сделанная Юлией Николаевной, не подписана, и нигде не обозначено, что «свидание» во время прогулки по городу было именно с Еленой Ивановной. Но фотография говорит сама за себя (см. л. 32 об.).

Юлия Николаевна провела в Ленинграде десять дней, и о каждом есть запись и картинка. Прочтем альбом с 15-го листа — с первого дня в родном городе².

² Альбом-дневник Ю.Н. Рейтлингер достаточно большой, и здесь нет возможности воспроизвести его целиком. Купюры в тексте касаются неинтересных бытовых подробностей. При подготовке мы старались воспроизвести расположение авторского текста в альбоме в соответствии с оригиналом.

Тексты альбома публикуются по правилам современной орфографии, за исключением характерных для поколения Юлии Николаевны окончаний прилагательных и местоимений, а также прописных букв в обозначении некоторых имен и реалий. Полностью воспроизводится пунктуация оригинала. Авторские надписи на акварелях воспроизводятся курсивом. Нумерация листов дается по правилам архивного хранения.